

**ЧИТАЙТЕ КНИГИ
НАТАЛЬИ ТИМОШЕНКО:**

Мертвая неделя
Игра с огнем
Хранительница болот
Нити жизни
Гадючий Яр

Цикл «Игры со смертью»

Кошки-мышки
Правда или желание
Дочки-матери
Жмурки

**Цикл
«Демонология по Волкову»**

Собиратели душ
Падальщики

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

ДЕМОНОЛОГИЯ
ПО ВОЛКОВУ

ПАДАЛЬЩИКИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Художественное оформление серии
Екатерины Петровой

Тимошенко, Наталья Васильевна.

Т41 Демонология по Волкову. Падальщики / Наталья Тимошенко. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Мистические романы Натальи Тимошенко).

ISBN 978-5-04-211133-4

Мало устроиться на работу к темному колдуну, надо еще постараться дожить до конца контракта, а это будет непросто. Алиса продержалась уже месяц. И хоть работа оказалась еще опаснее, чем она предполагала вначале, Алиса по-прежнему настроена ничего не бояться, ведь деньги платят хорошие. А вскоре становится понятно, что не только финансовый вопрос подогревает ее смелость. Темный колдун уже чуть больше чем просто работодатель и теперь не кажется таким холодным и неприступным. Быть может, он куда ближе к людям, чем к тьме?

Простому следователю удастся собрать на него компромат, и теперь Леону нужно найти того, кто устроил кровавый ритуал жертвоприношения, иначе могут пострадать близкие ему люди. А Алисе предстоит решить, стоит ли безоговорочно доверять тем, с кем уже успела подружиться. Ведь кто-то определенно ей врет, но кто? И зачем?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211133-4

© Тимошенко Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

— А лиса, я хотел бы объяснить тебе, чем ты можешь помочь, — профессорским тоном произнес Антон Викторович, личный врач Леона Волкова, в упор глядя на Алису.

— Я знаю, чем могу помочь, — сквозь зубы процедила та.

Антон приподнял брови.

— Что ж, это к лучшему. Прежде чем ты ответишь, я должен предупредить, что это процедура крайне неприятная.

— Неприятная! — фыркнула стоявшая в стороне Аллочка. — Да Анжела вечно чуть живая выходит после этих *процедур*!

— Анжела гораздо слабее Алисы, — строго заметил Антон. — Такой оттенок души, как у Алисы, — редкость. Нам очень повезло найти такой алмаз. И будет крайне неразумно его не использовать.

— Вы говорите о живом человеке, — внезапно заметила София, чем удивила Алису. Она что... застывает за нее?

— Я думаю, Алиса понимает, что я имею в виду. — Антон посмотрел на Алису, и та кивнула. Не потому,

что была согласна, скорее от растерянности. Происходящее казалось ей немного нереальным. — Но за эту неприятную процедуру ты получишь хорошую оплату. Поскольку такая работа не входит в твой договор, с тобой будет заключено дополнительное соглашение. Поверь, прибавка к зарплате будет немалая. Причем не раз в месяц, а сразу после процедуры. Ну, что скажешь?

Сразу после процедуры. Вовремя, ведь всего несколько часов назад ее ограбили. А день рождения младшей сестры уже на следующей неделе. И эти деньги ей пригодятся. А если она не согласится, кто знает, не уволят ли ее? Терять такую работу было бы неразумно.

С другой стороны, она вспомнила Анжелу, которая вышла из комнаты Леона и сказала, что лучше уж спать за деньги, чем это. Да, Антон заверил, что Анжела слабее, но Алиса понимала, что это значит. Нет, ей не будет легче. В нее просто поместится больше тьмы.

Разве кто-то в здравом уме согласится на такое?

Я однажды видела документы его бухгалтера: Анжеле платят в три раза больше, чем мне.

Вот так никакого здоровья не хватает. И никаких денег уже не захочешь.

Алиса подняла голову, посмотрела на всех, кто ждал ее ответа. Вспомнила о бездушном, который, быть может, уже на пути к какой-нибудь деревне. А еще вспомнила Леона, который был прикован к кровати железными цепями, как та бабка, что чуть ее не убила.

Все смотрели на Алису и ждали ее ответа, а она не знала, что сказать. С одной стороны, ей искренне хо-

телось помочь. И не только из-за денег, хотя, конечно же, в основном из-за них. Получить уже сегодня круглую сумму было очень заманчиво. Но еще Алисе нравилось ощущение собственной важности. Она может помочь Леону, а значит, и людям, которые даже не подозревают о нависшей над ними опасности. С другой стороны, ей было страшно. Она видела Анжелу, понимала, что будет очень трудно. Возможно, больно.

Но разве ей впервые страшно? Полтора месяца назад во время пожара в ночном клубе тоже было страшно. И она могла бы самостоятельно выбраться на улицу, пока еще не началась паника. Но Алиса так не сделала. Спасла семь человек, которые могли погибнуть без нее. Не испугалась, потому что не было времени бояться. Так чего боится сейчас?

— Хорошо, я согласна, — твердо произнесла она.

Антон удовлетворенно кивнул. Краем глаза Алиса заметила, что и остальные домочадцы остались довольны ее решением. Как бы ни предупреждали, что будет сложно и опасно, а все же за Леона переживали сильнее. Знали его дольше, любили или, по крайней мере, ценили больше. Алиса не обижалась. В конце концов, это было исключительно ее решение.

— В таком случае не будем откладывать в долгий ящик, времени у нас немного, — заключил Антон, вставая с дивана. — Бездушный уже может быть на пути в какую-нибудь деревню.

Алиса поднялась следом, ни на кого не глядя, последовала за доктором в медицинскую часть дома.

— Тебе не стоит сильно переживать, — успокаивал Антон по дороге. — С Леоном уже поработала Анжела, его состояние стабилизировано. Тебе лишь нужно

доделать ее, скажем так, работу, чтобы он смог остановить бездушного.

Звучало все просто, но почему-то не успокаивало. Что значит «состояние стабилизировано»? А что было до того, как оно стабилизировалось?

Впрочем, Алиса хорошо помнила ту ночь, когда они убили первого бездушного. Она ведь тогда всерьез опасалась, что началось землетрясение.

Леон находился в той же комнате, где Алиса видела его несколько дней назад. Она уже знала, куда смотреть, поэтому сразу заметила цепи, уходящие из-под одеяла под кровать. Комната была погружена в полумрак, плотные шторы занавешивали окно, не пропуская ни единого луча скудного осеннего солнца. По-прежнему отсутствовала какая-либо медицинская аппаратура, но в воздухе пахло лекарствами. Алиса могла ошибаться, но ей казалось, что она опознала запах сильного обезболивающего. Иногда Дианке кололи такое. Причем только врачи «Скорой», у матери таких лекарств не имелось.

Леон не спал. Едва только Антон и Алиса вошли, повернул к ним голову и посмотрел на вошедших. Алиса вздрогнула от этого взгляда. Даже в полумраке комнаты было видно, что глаза Леона полностью залиты черным, будто зрачок расширился до такой степени, что закрыл собой даже белки. От этого взгляда хотелось убежать, раствориться в воздухе. Сделать так, чтобы Леон никогда больше не мог смотреть на нее.

Жуть какая.

Антон, казалось, даже не обратил внимания на эти метаморфозы. Должно быть, уже не раз видел. Закрыл за ними дверь, уверенно прошел в палату.

— Алиса согласилась помочь, — объявил он Леону.

Леон медленно повернул голову к Алисе, и та заставила себя не бояться. Она согласилась, что уж теперь. Тоже прошла внутрь, остановилась у кровати Леона, замечая то, чего не видела, когда приходила к нему раньше: не только глаза, но и тело его было другим. Из-под одеяла виднелись лишь лицо, шея и плечи, но кожа в этих местах словно истончилась, стала похожа на папиросную бумагу, под которой просвечивали вены. Только вены были черными, как и глаза, и Алиса видела, как по ним течет темная кровь. Движения эти были хорошо заметны, казалось, что под кожей Леона извиваются не то тонкие змеи, не то черви. Алиса с трудом заставила себя оторвать взгляд от его тела и посмотреть в глаза. Уж лучше они, какими бы ни были.

Должно быть, когда она приходила к нему в прошлый раз, часть этой тьмы забрала Анжела, поэтому и выглядел Леон иначе. Теперь же тьма снова брала над ним верх.

Леон тем временем едва слышно спросил:

— Ты рассказал ей... обо всех рисках?

Антон нетерпеливо ответил:

— Она все понимает.

Леон снова посмотрел на Алису, и та кивнула. Она общалась с Анжелой, видела, чем заканчиваются «процедуры». Что тут рассказывать?

— Что мне делать? — спросила она, глядя то на Леона, то на Антона.

Ответил последний:

— Садись рядом с Леоном и возьми его за руку. Максимально расслабься, большего от тебя не требуется. Остальное сделает он.

Не давая себе времени на страхи и размышления, Алиса подошла к кровати, огляделась. Стула нигде не было, поэтому она просто села на краешек постели. Почти сразу почувствовала холод, и это не было внутренним ощущением. Холод исходил от Леона, будто Алиса села рядом с холодильником. Одеядло чуть шевельнулось, и из-под него показалась ладонь Леона. Кожа на ней была такая же, как и на лице: тонкая, бледная, просвечивающая, с черными извивающимися венами под ней. Алиса заметила на ладони несколько старых шрамов. Протянула руку и осторожно коснулась пальцев Леона, затем крепко обхватила ладонь. Та на ощупь была ледяной, словно не принадлежала живому человеку. Алиса ожидала, что сразу что-то произойдет, как тогда, когда она надела на шею защитный кулон, но ничего не случилось. Она просто держала ледяную ладонь, чувствовала, как под кожей шевелятся вены-черви. Почти сразу ее собственная рука онемела, холод прокатился по телу, заставляя приподниматься волоски в отчаянной попытке согреть, но, кроме этого, никаких необычных ощущений она не испытала.

Антон это заметил.

— Расслабься, иначе ничего не выйдет.

— Я расслабилась, — заверила Алиса.

— Очевидно, нет. Если бы ты расслабилась, все бы началось. Ты защищаешься. Это естественно. Твой организм чувствует угрозу и защищается.

— И как мне в таком случае расслабиться?

— А я знаю? — раздраженно бросил Антон, но тут же взял себя в руки. Вероятно, вспомнил, что его подопечный нуждается в Алисе. — У тебя же есть какие-то техники расслабления, которые помогают именно тебе?

— Есть, — послушно кивнула Алиса. — Газ на полную выкрутить. Или хотя бы грушу поколотить.

Антон закатил глаза, а губы Леона дрогнули в едва заметной усмешке.

— Как это делает Анжела? — спросила Алиса.

— Анжела опытная.

— Но ведь опыт пришел к ней не сразу. В первый раз наверняка она тоже... — Алиса вовремя прикусила язык, едва не сказав «боялась». Она не боится. По крайней мере, никто не должен об этом догадываться. — Не могла.

Антон и Леон переглянулись.

— Ты действительно хочешь знать, как Анжела расслаблялась в первый раз? — едко заметил Антон.

Могла бы и не спрашивать. Сразу ведь поняла, что Анжела — проститутка. И София это подтвердила.

— Если не хочешь, как Анжела, могу дать тебе что-нибудь расслабляющее, — предложил Антон.

— Алкоголь?

— Лекарство.

Расслабляющие лекарства Алису настораживали. И не только потому, что они могли оказаться чем-то из того списка веществ, которые она никогда не хотела пробовать, но и потому, что боялась стать уязвимой. Алиса понимала, на что подписывается, но хотела оставить за собой иллюзорную возможность контролировать происходящее. Прервать контакт, если

станет совсем невыносимо. Наверняка лекарства, имеющиеся в наличии у Антона, лишат ее такой возможности.

Да, пожалуйста, он прав. Я боюсь и защищаюсь, даже если считаю иначе.

— А без лекарств никак? — спросила она.

— Я уже сказал как.

— Я не хочу...

— Хочу — не хочу, — перебил ее Антон. — Ты помочь пришла или цену себе набиваешь?

— Выйди, — вдруг тихо произнес Леон и, прежде чем Алиса приняла бы это на свой счет, добавил: — Антон, выйди.

Антон замер от удивления.

— Леон...

— Выйди! — чуть громче повторил Леон, но даже в этом тихом голосе сквозил приказ, которого доктор не посмел ослушаться.

Не говоря больше ни слова, Антон направился к двери и вскоре скрылся за ней. Леон закрыл глаза, будто это короткое эмоциональное слово отняло последние силы. А Алиса почувствовала, что ей стало легче. Надо же, она даже не предполагала, что присутствие Антона так ее раздражает. Впрочем, он действительно казался ей не слишком приятной личностью.

И все равно у них ничего не получилось. Сколько бы ни держала Алиса Леона за руку и ни пыталась выбросить из головы все мысли, ничего не происходило. В конце концов Леон сам высвободил руку, чуть отодвинул ее от Алисы, давая знак, что стоит прекратить.

— Простите, — искренне сказала Алиса, вставая. — Я старалась, честно.

— Не уходи, — попросил Леон, не открывая глаз, а затем предложил внезапное: — Ложись рядом.

Алиса с сомнением посмотрела на широкую кровать. Вот это в ее планы точно не входило. Она не Анжела. Если бы для нее были приемлемы такие способы, она бы давно заработала денег. Банально на отношения с Матвеем согласилась бы, он ее хотя бы любит.

Леон не мог видеть выражения ее лица, но сам понял, как прозвучало его предложение в свете всплывшей информации об Анжеле.

— Я не покушусь на твою честь... обещаю, — заверил он, снова едва заметно усмехнувшись. Чуть сильнее вытащил руку из-под одеяла, чтобы Алиса заметила цепь на его запястье.

Ладно, не съест же он ее, в самом деле. Пока она здесь, контролирует ситуацию. Алиса обошла кровать, осторожно легла с другой стороны. Медленно положила голову на подушку, вытянула руки вдоль тела. Нет, она не боялась Леона, он прав: ничего он ей не сделает. Да и она знала, как поступать при посягательствах на свою персону. Просто ей казалось странным лежать на его кровати, даже если того требуют обстоятельства.

Только сейчас, рассматривая комнату, Алиса заметила то, чего не видела раньше: и стены, и пол, и даже потолок были испещрены царапинами и вмятинами. Где-то до штукатурки содрана краска, где-то виднелись темные пятна, возможно, крови.

Что происходит за этими дверями?!

Леон не попытался коснуться ее руки, вообще никак не дал понять, что делать дальше. Несколько

долгих минут они лежали в абсолютной тишине, нарушаемой лишь дыханием Алисы. Леон наверняка тоже дышал, но то ли так тихо, что Алиса его не слышала, то ли сама она сопела настолько громко, что заглушала остальные звуки. С трудом ей удалось выровнять дыхание.

— Алиса, — позвал наконец Леон, так и не открывая глаз и вообще не шевелясь.

— Да? — отозвалась Алиса, снова против воли подбираясь.

— Ты когда-нибудь была счастлива?

Вопрос заставил ее осторожно повернуть голову в его сторону. Она ожидала чего угодно, но не этого.

— Конечно, — не задумываясь, ответила она, и это было правдой.

Какой бы тяжелой порой ни казалась жизнь, какие бы подножки ни подставляла, Алиса умела ею наслаждаться и ценить даже те небольшие моменты счастья, которые могла урвать. Да, у нее не было денег на путешествия, но, чтобы увидеть красивый рассвет, надо только проснуться пораньше. У нее не было престижной работы, но, чтобы прочесть интересную книгу, надо всего лишь знать буквы. Алиса не мечтала о несбыточном, но ценила то, что имела. Дианке, к примеру, недоступно многое из того, что есть у нее. Ей ли жаловаться?

— Расскажи, — попросил Леон.

Алиса снова отвернулась, посмотрела в темный потолок, прикидывая, что такого рассказать.

— Например... Например, я как-то нашла подарок, который мама купила мне на Новый год, и полдня с ним играла.

— Что это было?

— Кукольный домик. Простенький такой, картонный, потом он быстро порвался, но тогда я была счастлива.

— Сколько тебе было?

Алиса на секунду задумалась.

— Лет пять или шесть. Шесть, наверное, в пять я еще в саду была бы. А в первом классе возвращалась рано. Мама еще работала, баб Аня — это родственница, у которой мы жили, — тоже куда-то ушла. Я уже не помню, что искала в шкафу, но нашла этот домик. Играла с ним до самого вечера, едва успела спрятать, когда поняла, что мама скоро вернется.

Алиса вспомнила, как торопливо запихивала домик сначала в коробку, а потом и в шкаф. Еще неловкие руки шестилетки нечаянно задели фарфоровый чайничек, стоявший на полке ниже. Чайничек упал на пол и разбился. Алиса не нашла ничего лучше, чем выбросить осколки в мусорку. Баб Аня их увидела, конечно. Перетянула пару раз ремнем по заднице, но Алиса согласна была стерпеть порку. Когда тяжелый кожаный ремень оставлял розовые полосы на коже, она даже не плакала. Воспоминания о том, как чудесно было держать в руках тот хлипкий картонный домик, заглушали любую боль.

Наверное, это было единственным четким и длительным воспоминанием Алисы из того времени, когда она еще не жила в интернате.

— Еще, — жадно попросил Леон, когда она замолчала.

Алиса покосилась на него, пытаясь угадать, зачем он спрашивает. Так ли ему важно узнать ее ближе, по-

нять, что именно ее радует? Или дело в чем-то другом? Был ли он сам счастлив в жизни? Может быть, тогда, когда несся на мотоцикле на огромной скорости, которая давала ощущение свободы? Или раньше, когда тоже находил новогодние подарки? Был ли он счастлив после того, как связался с демонами? Что приносило ему удовольствие?

— Еще... еще как-то в интернете я выиграла городской конкурс рисунка. Мне вручили диплом и небольшие призовые. Я их на новые карандаши потратила. Те, что имелись в интернете, были не самого хорошего качества. Быстро ломались, плохо ложились на бумагу, иногда рвали ее. Оно и понятно, нас было двадцать два человека, денег никогда не хватало. Всегда находились более важные вещи, чем карандаши. Я купила хорошие, дорогие. Девчонки смеялись, что я могла бы за эти деньги купить себе карандаши другого вида и наконец перестать быть похожей на белобрысого пацана, но рисовать на лице мне никогда не хотелось. Воспитатели тоже бурчали, что я потратила все призовые на ерунду, но я была счастлива.

Конечно, карандаши долго не прожили. Алиса и сама много ими рисовала, и с друзьями делилась. Карандаши кончились за несколько месяцев, а Алиса искренне грустила, выбрасывая в мусорку огрызки, которые уже не держали пальцы. Потом, выпустившись из интерната, она покупала себе карандаши, но уже никогда — такие дорогие. Теперь деньги нужны были на что-то более важное.

— А еще однажды мы сбежали из интерната, — продолжала Алиса уже без просьбы Леона. Ей вдруг стало безумно приятно рассказывать кому-то о себе. Она

никогда раньше этого не делала. С друзьями вместе росла, им нечего было рассказывать: жизнь проходила на глазах друг у друга. Потом, после интерната, они много болтали, конечно, но что там обсуждать? Как таскала кирпичи на стройке? Или какую пиццу чаще всего заказывали в пятницу вечером? О Рите же Шурыгиной распространяться не позволял этикет. Да и неинтересна она была друзьям. Любка была еще слишком мала, мать никогда не задавала вопросов. Пожалуй, Леон вообще оказался первым, кто захотел узнать какие-то детали из жизни Алисы. — Нам было лет по пятнадцать-шестнадцать примерно. Нам — это мне и моим друзьям: Мирославе и близнецам, Артему и Арсению, у нас была такая компания. Еще один из наших — Матвей, он старше на два года и к тому моменту уже выпустился, но продолжал нас навещать. И однажды предложил сбежать. Не насовсем, конечно, всего на одну ночь. Было лето, июль. Жара невыносимая. Вечером после ужина мы заблаговременно стащили запасной ключ от двери и, когда все уснули, вышли. Матвей ждал неподалеку в машине. Мы поехали на берег реки. Ничего такого не делали, просто жгли костер, жарили сосиски и смеялись. До самого рассвета. Мечтали о разном. Обещали друг другу, что всегда будем вместе.

Алиса вдруг поймала себя на том, что улыбается. Лежит на кровати в страшной черной комнате, смотрит в темный исцарапанный потолок с пятнами засохшей крови и улыбается до ушей. Потому что слышит не запах обезболивающего, а аромат костра, видит не потолок, а звездное небо. Рядом плещется река, зве-

нят комары, а впереди — целая жизнь, полная надежд. И если она не была счастлива тогда, то когда еще?

— Выполнили обещание? — спросил Леон.

— Да. Мы до сих пор вместе. С Мирославой снимаем квартиру, она моя самая близкая подруга, близнецы живут неподалеку. Матвей звал к себе на работу как раз в тот момент, когда София от вас позвонила.

— Значит, мне повезло, — произнес Леон, а затем признался: — У меня никогда не было таких друзей.

— Почему?

— Не знаю. Я никогда не умел нравиться людям. И мне казалось, что я нужен только как кошелек, моя семья всегда была довольно обеспеченной, даже в девяностые. У меня были друзья, но не такие... близкие. Сейчас проще. Я просто плачу деньги тем, кто рядом. И не ищу в них друзей.

Алиса повернула голову к Леону, посмотрела на его профиль в полутьме. Он так и лежал с закрытыми глазами, говорил с трудом, и Алисе вдруг захотелось сказать что-то, чтобы немного облегчить его состояние. Пусть она пока не может сделать то, зачем пришла, но слова порой важны не меньше, чем действия.

— Мне кажется, люди в логове относятся к вам далеко не как к обычному работодателю, — искренне заметила она. — Пусть я не так близко знакома с Денисом Сергеевичем или начальником охраны, но Влад, София, Мария Антоновна, Тамара Ильинична, даже Аллочка — вы для них совершенно точно гораздо больше, чем тот, кто просто платит им деньги.

Губы Леона дрогнули, но так и не превратились в улыбку.

— Хорошо... если так, — произнес он устало.

А Алиса вдруг поняла, что для нее он тоже больше, чем просто работодатель. И она здесь не только потому, что ей нужны деньги. Вообще не потому. Она здесь из-за него. Ей до безумия тоже хочется быть его другом, быть ему нужной.

— Дай... дай мне руку, — взволнованно произнесла она, впервые переходя с ним «ты».

Леон осторожно вытащил из-под одеяла руку, протянул ей. Алиса обхватила его ладонь, понимая, что Антон был неправ: ей не расслабиться надо, а поверить. Довериться. Подпустить так близко, как она мало кого подпускает. Тогда все работает.

И действительно сработало.

Ледяная рука Леона плавно легла в ее ладонь, обожгла кожу. Мерзкие черви под кожей испуганно замерли, будто испугались тепла, а потом... потом бросились на это тепло. Алиса почувствовала, как лопается кожа Леона под ее рукой, как тьма из его вен стремится к ней, как рвет уже ее кожу, проникает под нее, глубже, до самых вен. И теперь уже ее кровь разносит тьму по организму, к каждому органу, к каждой клеточке.

Это оказалось больно. Боль не была резкой, внезапной, она нарастала постепенно, но быстро. Тьма, проложив себе дорожку, ускорила, наполняла Алису быстрее и быстрее. Сначала онемела рука до плеча, потом выше, постепенно чувствительность исчезла во всем теле. Следом за онемением пришел обжигающий холод. Мышцы свело судорогой, пальцы сжались вокруг ладони Леона, и теперь Алиса не смогла бы оторваться от него, даже если бы попыталась. Леон не держал ее, она держалась за него сама и ничего не

могла с этим поделаться. Тело дернулось, затем выгнулось дугой. Дыхание перехватило, горло сжалось, и кислород перестал поступать в легкие.

Ощущения были схожи с теми, что она испытывала во время обряда экзорцизма, когда тьма из старухи проникла в нее. Только тогда все произошло быстро, Алиса почти сразу потеряла сознание. Сейчас же тьма проникала в нее через одну только ладонь, позволяя в полной мере «насладиться» и ощущениями, и осознанием происходящего.

Боль хоть и была схожая, но в тысячу, миллион раз сильнее. Алиса не могла ни вдохнуть, ни закричать. Сердце билось сильно, неровно, а потом вдруг и вовсе замолчало, и несколько мгновений спустя наконец наступила блаженная темнота.

* * *

Алиса открыла глаза, но ничего не увидела. Вокруг была непроницаемая темнота и дикий холод. Ее трясло как в лихорадке, зубы больно стучали друг о друга. А еще нечем было дышать. Сколько бы она ни пыталась вдохнуть, в легкие не попадало ни капли кислорода. Откуда-то из глубины сознания появилась мысль: надо выплыть. И Алиса изо всех сил заработала руками и ногами, поднимаясь к поверхности.

Яркий свет ослепил ее, но это не было светом лампы в палате. Это был огонь. Обжигающе горячий, причиняющий боль. Зато получилось наконец вдохнуть.

Алиса оглянулась и увидела, что все вокруг полыхает. Она не знала, где находится, но понимала, что если не выйдет отсюда, то сгорит. Но бежать было